

Е.В. КЛИШОВА, к.э.н., доцент,
Донецкий национальный университет.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СРЕДА: В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ.

*«...чтобы создать добродетельного человека,
нужно сделать невозможным проявления хозяйственного эгоизма»
М.И. Туган -Барановский.*

Структурно – функциональный анализ экономической рациональности предполагает исследование механизмов взаимодействия, взаимовлияния институциональной среды и индивидуальной рациональности, под которой мы понимаем систему критериев предпочтений хозяйствующего индивида, определяющую имманентные характеристики экономического поведения. По мере последовательного укрупнения и унификации критериев предпочтений индивидов происходит агрегирование индивидуальных рациональностей и восхождение к общественной рациональности, локализуемой на групповом или национальном уровнях. Степень упорядоченности и жизнеспособности экономической системы, эффективность и устойчивость общественных институтов, сама возможность существования системы определяется степенью общественной рациональности. Для уяснения механизма становления общественной рациональности является целесообразной, на наш взгляд, проекция на соотношение индивидуальной и общественной рациональности, т. наз. закона Седова, представляющего, в свою очередь, трансформацию известного кибернетического закона Эшби, экономические приложения которого развиты С. Биром [1]. Согласно этому закону, «в сложной иерархической системе рост разнообразия на верхнем уровне обеспечивается ограничением разнообразия на предыдущих уровнях и, наоборот, рост разнообразия на нижнем уровне (иерархии) разрушает верхний уровень организации» [2, с.20]. Разновекторность критериев предпочтений хозяйствующих субъектов (определённый уровень разнообразия) делают невозможной их самоорганизацию и дос-

тижение необходимого ограничения разнообразия, достаточного для формирования общественной рациональности. Уровень последней снижается в случае уменьшения значимости структурообразующих аттракторов системы под воздействием факторов как экономического, так и политического, правового, этического характера. Происходит рассогласование критериев предпочтений индивидов и разрушение общественной рациональности, что создаёт существенные (порой непреодолимые) преграды для модернизации экономики.

Целью статьи является структурно – функциональный анализ компонентов институциональной среды как сложного целого, в рамках и посредством которого происходит становление и реализация общественной рациональности.

Ключевыми элементами любой институциональной среды, в которой осуществляют хозяйственную деятельность индивиды, являются нормы и институты. Приходится, однако, констатировать отсутствие в литературе единообразия в трактовке категорий «нормы», «институты», «правило», «привычки», «права собственности». Так, Д. Норт рассматривает институты как правила игры, по которым играют игроки, под которыми он понимает организации («группы людей, объединённые стремлением сообща достичь какой-либо цели» [3, с.18-20]). Институты выступают, таким образом, как «созданные человеком «ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми» [3, с.17]. Его же более ранние определения трактуют институты как «нормы

© Е.В. Клишова, 2006

поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми» [4, с.73], и как «формальные правила, неформальные ограничения и способы обеспечения действенности ограничений» [5, с.307], которые выполняют функцию расширения «человеческого способа обработки информации» [3, с.34]. Б. Шаванс считает «понятие правил ключевым для понимания институтов и организаций в рамках единой теории» [6, с.17]. Дж. Ходжсон со ссылкой на Ч. Кеймика определяет привычку как «более или менее самоподдерживающуюся склонность или тенденцию к следованию предустановленной или благоприобретённой форме поведения. Правила выступают условными или безусловными образцами мышления или поведения, которые могут усваиваться агентами как сознательно, так и неосознанно» [7, с.40]. А.Е. Шаститко, полагая понятие института фундаментальным, определяет его сущность как «набора правил, выполняющих функцию ограничений, и соответствующих им механизмов, обеспечивающих соблюдение данных правил» [8, с.105]. Правила и нормы, соответственно, менее широкие понятия, поскольку не содержат механизмов обеспечения их соблюдения [там же, с.106-107]. И, наконец, А. Олейник даёт характеристику норме как базовому регулятору взаимодействий людей [9, с.43], а институту – как «совокупности формальных, фиксируемых в праве, и неформальных, фиксируемых в обычном праве, рамок, структурирующих взаимодействие индивидов в экономической, политической и социальной сферах» [там же, с.188]. Интересна характеристика «рутин», рассматриваемых Р. Нельсоном и С. Уинтером в качестве основного детерминанта поведения индивида: «Они наследуются, подвержены отбору в том смысле, что организмы с определёнными рутинными могут функционировать лучше других, и, если это так, то их относительная значимость в популяции... возрастает со временем» [10, с.31]. По сути, приводимая характеристика уподобляет рутины неформальным институтам, которые В. Решетило рассматривает как «самоподдерживающийся, самовос-

производящийся социальный феномен, который обладает эволюционными свойствами «непрерывности», т.е. способности передачи информации во времени...» [11, с.136].

На наш взгляд, каждая из рассматриваемых категорий обладает собственной структурой, адекватными ей функциями, и, как следствие, занимает конкретное место в сложной системе соподчинённых элементов институциональной среды, в которой функционируют хозяйствующие субъекты. При этом формальная их ипостась формируется и поддерживается государством в отличие от неформальной – совокупности форм реализации национального менталитета, возникающей и закрепляющейся в течение длительного времени в ходе постоянного взаимодействия индивидов.

С позиции структурно-функционального анализа норма предстает системой структурных элементов, реализующихся посредством единого функционального механизма. Заслуживает внимания интерпретация этого вопроса А. Олейником [9, с.44] как наиболее четкая в работах российских экономистов при отсутствии подобных разработок в отечественной литературе. Несколько модифицированная нами структура нормы выглядит примерно следующим образом: цель, механизм действия, санкции.

Целевая характеристика нормы отражает определенную направленность регламентации экономического поведения индивида; механизм действия (у Олейника – фактор долженствования) формализует и уточняет действие нормы; санкции несут информацию о потерях (гражданских, материальных или моральных), которые влечет за собой отклонение поведения индивида от стандарта, предписываемого нормой. Жесткость санкций обуславливает степень превентивного воздействия нормы на психологию экономических агентов.

В структуру нормы А.Олейник включает элементы ареала (у него – атрибута) действия нормы и условий, регламентирующих наступление нормы. С этим трудно согласиться, поскольку оба элемен-

та являются, на наш взгляд, внешними по отношению к структуре нормы и характеризуют среду ее функционирования. В зависимости от размера ареала действия нормы можно разграничить на общие (распространяемые на всю совокупность хозяйствующих субъектов), особенные (локализуемые на уровне некоей совокупности хозяйствующих субъектов – региона, отрасли), и специальные (конструируемые для отдельных хозяйствующих единиц). Чёткая фиксация размеров и конфигурации ареала обеспечивает адресность нормы, что, как правило, повышает её эффективность. Условия действия тоже экстерналины по отношению к структуре нормы и могут допускать либо отрицать её наступление. Таким образом, ареал и условия действия нормы регламентируют порядок функционирования нормы, но не являются элементами ее структуры.

Примером, иллюстрирующим сказанное, может послужить анализ нормы налогообложения. Норма уплаты налога включает цель (побуждение индивида к более эффективной деятельности наряду со стремлением государства к наполнению бюджета), механизм действия (процедуру исчисления и уплаты налога), санкции (наступающие в случае отклонения от нормы карательные действия государственных налоговых органов). Норма уплаты определенного налога может быть распространена на всю совокупность хозяйствующих субъектов либо локализована на конкретном уровне. Действие формальной нормы может наступить либо не наступить при определенных условиях, регламентируемых государством. Так, например, государство может освободить от налогообложения инвестируемую долю прибыли и тем самым побудить инвесторов к увеличению этой доли. Такая практика может быть локализована на различных уровнях.

В случае совпадения формальной и неформальной норм уплаты налога отклонение экономического поведения индивида от общепринятого стандарта может повлечь санкции не только формального, но и неформального характера (общественный ostracism). Утверждение неформаль-

ной нормы налогообложения предполагает, напротив, общественное одобрение уклонения от уплаты налогов и превращение такого поведения в эталон рациональности. Государство воспринимается как институт, препятствующий проявлениям индивидуальной рациональности, а не фактор оптимизации экономического поведения.

В функциональном плане норма представляет собой механизм с двумя лезвиями (по аналогии с мультипликатором), применение которого может либо стимулировать, либо затормозить рост эффективности производства (вначале на определенном уровне, адекватном ареалу и условиям действия нормы, затем – пропорционально степени мультипликации).

Функционирование норм во внешней среде сопрягается с привычками и правилами, адекватными менталитету экономических агентов. Привычка может быть определена как форма поведения, алгоритм действия, рутинным образом самовоспроизводящийся независимо от состояния окружающей среды и создающий для индивида возможность экономии на познавательных усилиях. Привычки часто формируются на основе правил, представляющих собой формальный либо неформальный образец поведения, следование которому одобряется большинством агентов. Если норма – предписание, то правило – его функциональное следствие, выражающее параметры нормы и отвечающее её экономическому смыслу. Степень вероятности трансформации правила в привычку определена возможностью адекватной трансформации индивидуальной рациональности, а множественность подобных трансформаций характеризует возможность формирования общественной рациональности. Правила и особенно привычки являются, кроме того, важнейшими условиями институционализации ограниченной рациональности.

Управление экономическим развитием страны возможно лишь посредством такой совокупности формальных норм, которые соответствовали бы неформальным соглашениям, совокупность которых при-

суща національному менталитету и характеризует сложившейся тип индивидуальной рациональности, и, следовательно, преобладающий тип экономического поведения. Все проявления «мифотворчества» при конструировании норм, отсутствие комплементарности между формальными и неформальными нормами обуславливают неэффективность и неустойчивость национальной экономики, порождают асинхронность экономического и политического циклов, тормозящую экономическое развитие страны. «Общественный строй должен быть приспособлен к неизменным свойствам человеческого характера», – подчёркивал М.И. Туган-Барановский [12, с.58].

Разновидностью формальной нормы являются права собственности – полномочия индивида, полученные им в дар, либо приобретённые посредством купли – продажи, обеспечивающие ему определённую степень монополизации пользования объектом собственности и определяющие степень исключительности доступа к объекту. В отсутствие общественной легитимизации правомочий индивидов и слабости государственной власти формируется либо воспроизводится противоположная неформальная норма, что ставит под вопрос гарантии прав собственности, а, следовательно, активизацию инвестиционной деятельности индивидов. Подобная ситуация характерна для многих переходных экономик, в том числе и для экономики Украины, где политика реприватизации получила поддержку значительной части населения.

Недостаточная спецификация прав собственности в Украине в сочетании с отсутствием развитого и эффективного фондового рынка, высокой степенью асимметрии информации делает невозможным исправление рынком ошибок государства, связанных с первоначальным распределением прав собственности в ходе приватизации. Это приводит к вынужденному гипертрофированию (и удорожанию реализации) контрольно – надзорной функции государства, нацеленной на преодоление негативных последствий постоянно воспроизводимых внешних эффектов – ре-

зультатов конфликта «коридора» неадекватных норм и индивидуальной рациональности.

Институты, как справедливо отмечают упомянутые авторы, являются более сложным образованием, поскольку включают как формальные, так и неформальные нормы, структура и функциональный механизм которых претерпевают определённые трансформации, оказавшись элементами некоей общей совокупности. От того, приобретёт ли эта совокупность системный характер, зависит эффективность функционирования института. В случае формальных институтов – окажется ли дееспособной заданная соподчинённость формальных норм, соответствуют ли её характеристики закону Седова и адекватен ли механизм её функционирования окружающей среде.

Для переходных экономик особое значение приобретает устойчивость института к возможным флуктуациям и степень его потенциальной бифуркационности. Нелинейность и спонтанность развития таких систем, их открытость ко всевозможным внешним воздействиям в сочетании с хаосомностью внутренних экономических и политических процессов приводят к тому, что при самых незначительных флуктуациях последствия функционирования института могут оказаться прямо противоположны ожидаемым и явятся дополнительным очагом возмущения. Так, недостаточно специфицированные права собственности могут стать как средством экономической стабилизации и роста, способствовать формированию общественной рациональности, так и явиться фактором социальной напряжённости и экономической депрессии. В случае оптимального соподчинения формальных правил (устава, регламентаций, установленной иерархии элементов и порядка их взаимодействия) и сопряжённых адекватных неформальных «соглашений, норм и кодексов поведения» [13, с.2] институт становится, по выражению Д. Нортона, средством сохранения культурного наследия и составляет «контекст выбора» [там же] участников рыночных отношений. Передача культуры по наслед-

ству и её развитие, сохранение культурных (в том числе хозяйственных) традиций происходит, по Ф. Хайеку, посредством эволюции институтов. «Различные структуры, традиции, институты и другие компоненты спонтанного порядка возникали постепенно как вариации тех или иных привычных способов поведения. Новые правила подобного рода возникали не потому, что люди осознавали их большую эффективность.... но просто потому, что придерживающиеся их люди начинали успешнее воспроизводиться» [14, с.46-47]. Возникает, таким образом, проблема качества институтов, которая (как и анализ институтов) должна рассматриваться, на наш взгляд, в контексте экономической рациональности.

Основная функция институтов как базового элемента среды функционирования хозяйствующих субъектов состоит в активизации структурирования отношений хозяйствующих субъектов, но не спонтанного, а заданного посредством структур институтов, определяемых ими соответствующих механизмов функционирования, с оподчинённостью институтов в социально – экономической системе. Задача институтов – стимулировать формирование аттракторов, посредством которых происходит упорядочение функционирования системы и последовательное восхождение к общественной рациональности. Поэтому действие институтов играют определяющую роль в снижении либо возрастании трансакционных издержек. Институты (системы планирования и прогнозирования, налоговая, таможенная, страховая, бюджетная, кредитная и др. системы, политические и правовые институты) сокращают временной диапазон принятия решения, определяют конфигурацию и размеры поля выбора, уменьшают неопределённость взаимодействия хозяйствующих субъектов, способствуя унификации имманентных систем критериев предпочтений. Как следствие, под качеством институтов мы понимаем степень их экономической ориентированности, согласованности (системности) и взаимодополняемости их компонентов, устойчивости к бифуркациям.

Интегральный показатель качественной институциональной среды – способствование формированию общественной рациональности, некачественной – торможение этого процесса. Именно поэтому основным объектом анализа в институциональной теории становятся не столько институты как таковые, сколько институциональные изменения [11, с.137].

Выражением взаимозависимости между качеством норм, институтов и достигнутым уровнем общественной рациональности является мультипликатор рациональности. Мультипликатор рациональности характеризует синергетический эффект взаимодействия индивидов, стремящихся к максимизации индивидуальной рациональности в данной институциональной среде, и измеряется отнесением качества экономических институтов (в процентах) к числу индивидов (в процентах), ориентирующихся в своём экономическом поведении на качественные экономические институты. Достаточная длительность этого процесса в сочетании со стабильностью институциональной среды явится весомым основанием для синхронных сдвигов в системах критериев предпочтений хозяйствующих субъектов и последующей их унификации. Чем больше субъектов частной собственности среди этих субъектов, тем выше темпы восхождения к экономической рациональности, ибо их активность и готовность нести трансформационные затраты в связи с повышением качества экономических институтов максимальны. Такое поведение является в каждом отдельном случае функциональным следствием индивидуальной рациональности, поскольку издержки нерациональности (трактуемые нами как потери хозяйствующих субъектов от низкого качества экономических институтов и отсутствия, как следствие, либо низкого уровня общественной рациональности) оказываются намного выше издержек трансформации. Издержки нерациональности – та дань, которую платит общество за отсутствие общественной рациональности, возрастающие и консервирующиеся там, где власть легитимизирует существование выгодных ей,

но объективно неэффективных формальных норм. Помимо транзакционных издержек, издержки нерациональности включают потери от принуждения к соблюдению прав собственности, противоречащих стремлению субъектов к максимизации индивидуальной рациональности, что предполагает рост расходов на содержание репрессивного аппарата; потери прямые и косвенные от импорта неадекватных институтов и попыток их легитимизации; потери от производства безадресных формальных норм, приходящих в противоречие с имманентными неформальными нормами, что увеличивает хаосомность системы и др.

В мировой практике характеристика качества институтов осуществляется посредством индексов качества институционального устройства – ряда интегральных показателей, к которым относятся: индекс экономической свободы; индекс Кауфмана и Крау; уровень развития финансового рынка. К этому можно добавить разработанный Европейским банком реконструкции и развития индекс либерализации, включающий следующие компоненты: способы приватизации, ценовая либерализация, конкурентная политика, банковская реформа, развитие страхового рынка, защита прав инвестора [15, с.105]. Представляется уместной ориентация и на индекс развития человеческого потенциала (продолжительность жизни и её уровень, измеряемый показателем ВВП по паритету покупательной способности (ППС) на душу населения, ИРЧП), одним из компонентов которого является индекс образования (рассчитываемый интегрированием уровня грамотности населения и валовым коэффициентом студентов ВУЗов) [15, с.1], поскольку именно эти индексы характеризуют итоговый результат функционирования индивидов в определённой (более или менее качественной) институциональной среде. Использование последних индексов целесообразно и по причине отсутствия данных по индексам качества институционального устройства для Украины, тогда как: по ИРЧП в 2005 году Украина находилась на 78 месте (из 177 возможных) при

индексе образования 0,95 (на уровне Люксембурга, занимающего четвёртое место по ИРЧП) [16, с.1-4]. По данным Мирового банка, повышение качества институтов национальной экономической системы на 1% позволит повысить темпы экономического роста на 1.4%, а повышение уровня финансового развития на 1% создаёт возможность возрастания темпов экономического роста на 0,5% [15, с.107].

Количество индивидов, ориентирующихся в своём поведении на качественные нормы, определяется, мы полагаем, интегрированием множества показателей, среди которых: количество правонарушений в хозяйственной сфере, соблюдение прав собственности и особенно прав интеллектуальной собственности, уровень налоговой дисциплины, добросовестности и развития конкуренции, адекватность рекламы, количество нарушений прав потребителя, качество и симметричность получаемой и распространяемой информации, индекс экономических ожиданий населения, степень доверия между хозяйствующими субъектами и уровень транзакционных издержек, упомянутый выше индекс образования, темпы развития и удельный вес среднего класса – показатель устойчивости общества к возможным политическим флуктуациям и др.

Мультипликатор общественной рациональности показывает кратность суммарного прироста (сокращения) общественной рациональности по отношению к данной величине прироста (сокращения) качества экономических институтов. Кратность обеспечивается синергетическим эффектом взаимодействия множества хозяйствующих индивидов, закрепляющим данный экономический институт в статусе превалирующего ориентира в противовес прочим аналогам. Более качественные институты выступают условием и источником более жизнеспособного экономического порядка, превращаясь в весомые аттракторы, которые не только структурируют взаимодействие индивидов, но и оказывают воздействие на сопряжённые институты. Это обуславливает многократные и многообразные флуктуации во взаимодей-

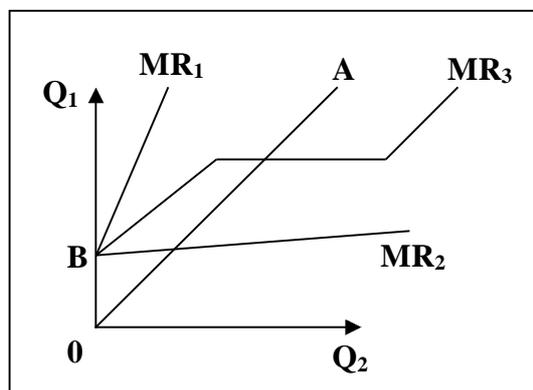
ствиях индивидов, что находит конечное выражение в изменении уровня общественной рациональности как реакции на первоначальный импульс роста (падения) качества экономических (и более широко – общественных) институтов. Как следствие, относительно небольшие изменения качества институтов могут вызвать кумулятивные сдвиги уровня общественной рациональности.

Действие мультипликатора рациональности может, таким образом, провоцировать как стабилизацию, так и дестабилизацию экономической системы, что наглядно иллюстрирует практика переходных экономических систем, в том числе Украины. А поскольку субъектом формирования, импорта, изменения формальных институтов и регламентации их функционирования является государство, именно институциональная политика государства создаёт импульс и определяет траекторию развития общественной рациональности. Так, консервация низкого качества институтов (высокая цена информации и её асимметричность, нечёткость норм контрактного права, а, главное, неопределённость прав собственности) и высокая степень нестабильности институциональной среды Украины обусловили не только падение темпов экономического роста, но и снижение уровня общественной рациональности (политический раскол страны, нереализованные ожидания предпринимателей в отношении предсказуемости и экономической обоснованности политики го-

сударства, невысокие возможности их самоорганизации в условиях политической и экономической нестабильности).

По мере формирования порогового уровня общественной рациональности сама система отторгает институты, функционирование которых запускает отрицательный мультипликатор рациональности, действие которого может нарушить достигнутое единство систем критериев предпочтений хозяйствующих субъектов. Устойчивость системы обеспечивается определённым уровнем общественной рациональности. Единство систем критериев предпочтений хозяйствующих субъектов выступает в роли встроенного стабилизатора, ослабляющего воздействие низкокачественных институтов, гасящего отрицательные флуктуации и возвращающего систему к состоянию равновесного роста. И если задачей бюджетно-налоговой политики является создание системы стабилизаторов, призванных ослабить последствия снижения совокупного спроса, то неизмеримо более важным представляется решение задачи институциональной политики – синхронное повышение качества институтов и обеспечение условий действия мультипликатора общественной рациональности, выступающих наиболее очевидно при его графической интерпретации.

Мультипликатор рациональности (multiplier of rationality, MR) может быть изображен графически следующим образом:

По осям координат отложены значения качества экономических институтов

(Q1 от англ. quality) и количества хозяйствующих субъектов, ориентирующихся в

своём поведении на качественные экономические институты ($Q2$ от англ. quantity). Линия OA – биссектриса, каждая точка которой характеризует определенную степень полного соответствия между ростом качества институтов и количеством субъектов, выстраивающих свое экономическое поведение адекватно их требованиям. Отрезок OB – стартовый уровень качества экономических институтов, на базе которого происходит их дальнейшее совершенствование. Линии $MR1$, $MR2$, $MR3$ – возможные положения линии мультипликатора, каждая точка которых фиксирует моментное соотношение величин $Q1$ и $Q2$, отражая различную степень реакции совокупности хозяйствующих субъектов на уровень качества экономических институтов. Степень наклона линий MR характеризует резервы роста общественной рациональности: большой угол наклона демонстрирует монолитность общества, высокие потенции роста общественной рациональности и скорости её формирования, что, в свою очередь, стимулирует рост качества норм и институтов. Чем меньше угол наклона, тем более дифференцировано общество по экономическим, политическим и культурным ценностям, тем меньше возможностей формирования общественной рациональности, тем, следовательно, меньше возможностей совершенствования качества институтов, включающих, как было показано, не только формальные, но и неформальные нормы.

Близость линии $MR1$ к оси ординат $Q1$ говорит о сравнительно быстром росте качества экономических институтов и соответствии их структуры закону Седова, но слабой реакции хозяйствующих субъектов вследствие трудностей адаптации к требованиям и правилам этих институтов, замедленным процессом формирования неформальных норм, адекватных содержанию качественных институтов. Многие хозяйствующие субъекты предпочитают следовать менее эффективным, но более привычным аналогам.

В этом случае формирование общественной рациональности тормозится отсутствием или низким уровнем рыночной

культуры у многих индивидов, не придерживающихся в экономическом поведении общепринятых норм хозяйственной этики. Задачей государства становится применение экономических и административных методов воспитания всех групп хозяйствующих субъектов в течение длительного периода, пока следование нормам экономического поведения, соответствующим содержанию новых институтов, не обратится в общепринятое правило, и затем – в привычку. С точки зрения структурно-функционального анализа – происходит реализация воздействия функции (трансформации экономического поведения индивидов) на структуру (система критериев предпочтений индивидов), что предполагает адекватные и синхронные модификации индивидуальной рациональности множества индивидов. Механизмом решения этой задачи может стать осуществление множества специальных привлекательных инвестиционных программ, патронируемых государством, целью которых является не только повышение качества инвестиционной политики, но и экономическое воспитание индивидов, и, в итоге, формирование общественной рациональности. Графическим отражением этого процесса станет движение линии $MR1$ по направлению к биссектрисе.

Близость линии мультипликатора $MR2$ к оси абсцисс $Q2$, напротив, говорит об активном стремлении хозяйствующих индивидов к самоорганизации, существовании достаточно высокого уровня рыночной культуры и общности норм хозяйственной этики. Как следствие, происходит образование весомых аттракторов, преодолевающих хаосомность экономической системы и формирующих сначала одновекторность систем критериев предпочтений индивидов, а затем – их постепенную унификацию, чем создаются предпосылки формирования общественной рациональности. Задача государства в этом случае заключается в содействии этому процессу посредством приведения формальных норм и институтов в соответствие с неформальными, что выразится графически в приближении линии $MR2$ к биссектрисе.

Конфигурация линии мультипликатора MR3 отражает вначале случай роста общественной рациональности при вполне сбалансированном соотношении величин Q1 и Q2, затем следует период адаптации всей совокупности индивидов к возросшему качеству экономических институтов, результатом чего становится ускорение процесса формирования общественной рациональности.

Представляется, что предложенный инструментальный анализ институциональной среды в контексте экономической рациональности может быть полезен для разработки теоретической модели реформирования экономики Украины.

Литература

1. Бир С. Кибернетика и управление производством. – М., Наука, 1965.; Мозг фирмы. – М., Радио и связь, 1993.
2. Цирель С. «QWERTY – эффекты», «Path dependence» и закон иерархических компенсаций. // Вопросы экономики. – 2005. – №8.
3. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М., 1997.
4. Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение. /THESIS, 1993. Весна. Т.1. Вып.2.
5. Норт Д. Институты, идеология и эффективность экономики. / От плана к рынку. Будущее посткоммунистических республик. / Под ред. Л.И.Пияшевой, Дж.А.Дорна. – М., Catallaxy, Институт Катона, 1993.
6. Шаванс Б. Типы и уровни правил в организациях, институтах и системах. // Вопросы экономики. – 2003. – №6.
7. Ходжсон Дж. Привычки, правила и экономическое поведение. // Вопросы экономики. – 2000. – №1.
8. Шаститко А. Новая институциональная экономическая теория. – М., Теис, 2002.
9. Олейник А. Институциональная экономика. Учебное пособие. М., Инфра М. 2000.
10. Нельсон Р., Уинтерс С. Эволюционная теория экономических изменений. – М., Эдиториал УРСС, 2000.
11. Решетило В. Синергия взаимодействия институтов и индивидов в процессе институциональных изменений трансформационных систем. // Социальная экономика, 2004, №3.
12. Туган-Барановский М. Социальные основы кооперации. – М.: Экономика, 1989.
13. Douglass C. North. Economics and Cognitive Science. [http:// www.institutional.boom.ru](http://www.institutional.boom.ru)
14. Хаеик Ф. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. – М., 1992.
15. Решетило В.П. Системообразующая функция рыночного потенциала институциональных систем. // Научные труды Донецкого Национального технического университета. Серия: Экономическая. Выпуск 89-1, Донецк. – 2005.
16. Официальная интернет-страница Мирового банка: Human Development Reports.HDR 2005/Indicators/[http://hdr. undp.org./ststatistics/data/indicatirs](http://hdr.undp.org./ststatistics/data/indicatirs).

Статья поступила в редакцию 18.01.2006

В.П. РЕШЕТИЛО, к.э.н., доцент,
Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина

НЕЛИНЕЙНЫЕ МЕХАНИЗМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ЕДИНОГО ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-СЕТЕВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В САМООРГАНИЗУЮЩИХСЯ СИСТЕМАХ

Необходимость анализа сущности и основных направлений качественной институциональной трансформации переходных экономик признана большинством представителей экономического сообщества. Однако, анализу целостных институциональных систем, их взаимодействию с экономической и политической системами

как внешней средой их функционирования, пока что не уделяется должного внимания.

Некоторые авторы лишь фрагментарно высказывают свое видение данной проблемы. Так, О. Уильямсон пишет о совокупности "основополагающих политических, социальных и юридических правил,

© В.П. Решетило, 2006